

СОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНКИСТЫ

SOVIET STUDIES OF THE CONQUEST

*О. В. Забельникова**кандидат исторических наук, доцент,**Республиканский институт повышения квалификации и переподготовки работников Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь**O. Zabelnikova**PhD in History, Associate Professor,**Republican Institute of Advanced Training and Retraining of Workers of Ministry of Labour and Social Protection of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus*

Статья затрагивает проблему специфики латиноамериканской цивилизации. Автор характеризует три методологических подхода толкования открытия и колонизации Америки, существующие в мировой историографии. В статье анализируются позиции советских ученых на события открытия, завоевания и колонизации американского континента.

The article addresses the problem of the specifics of Latin American civilization. The author characterizes three methodological approaches to the interpretation of the discovery and colonization of America that exist in world historiography. The article analyzes the positions of Soviet scientists regarding the events of discovery, conquest and colonization of the American continent.

• • • • •

Ключевые слова: Латинская Америка; открытие; конкиста; колонизация; советская школа латиноамериканистики.

Keywords: Latin America; discovery; conquest; colonization, Soviet school of Latin American studies.

Великие географические открытия, открытие, конкиста и колонизация американского континента стали своеобразным рубежом, чертой, означавшей конец средневекового периода всемирной истории и начало Нового времени. Историческая наука признает важность открытия и колонизации Америки, благодаря которым история стала всемирной.

Многими западными, латиноамериканскими и российскими исследователями ставится под сомнение или отвергается само понятие «открытие». Термин «открытие» можно трактовать двояко. С точки зрения самого факта открытия чего-то нового путешествия Х. Колумба к берегам Америки действительно не были первыми. За тысячелетия до европейцев Америку открыли предки индейцев. Доказано, что в Америку в к. X – нач. XI в. прибыли викинги и даже основали там свое поселение. Многочисленные находки свидетельствуют в пользу межатлантических контактов задолго до официального открытия. Если же рассматривать открытие Нового Света как процесс, который привел к историческому взаимодействию, интеграции народов и культур в общепланетарном

масштабе, то экспедиции Х. Колумба к берегам Америки ознаменовали открытие нового континента для всего человечества.

Применительно к периоду завоевания Центральной и Южной Америки испанцами и португальцами в XV–XVI вв. в научной литературе употребляется термин «конкиста». От слова «конкиста» произошел термин «конкистадоризм», который ныне широко употребляется в отношении захватнической, завоевательной политики страны; крайняя степень колониальной агрессии получила название «имперский конкистадоризм». Последнее определение в полной мере отвечало политике Испании и Португалии в Новом Свете.

Иберийское завоевание доколумбовой Америки положило начало европейской экспансии. Именно конкиста привела к формированию колониальных империй, метрополии которых находились в Европе, а первыми колониальному порабощению подверглись автохтонные народы Америки. А.Дж. Тойнби называет итоги конкисты «ярмом Западной цивилизации», навязанной доколумбовым народам в ходе колониационных процессов в XVI в. [1, с. 405].

Единого толкования открытия Америки и ее завоевания как исторического явления в науке не существует. Большинство ранних интерпретаций было основано на национальном факторе: все события рассматривались с позиций одной из участвующих сторон – либо европейцев, либо индейцев.

События пятисотлетней давности рассматриваются историками исходя из трех методологических подходов. Советские исследователи рассматривали конкисту с точки зрения формационного подхода. История человечества представлялась как смена общественно-экономических формаций. Историки-марксисты полагали, что Европа XV–XVI вв. находилась в стадии развитого феодализма, а индейские народы к моменту их завоевания – либо еще в первобытнообщинной стадии, либо в рабовладельческой формации (как майя, ацтеки и инки). Конкистадоры были представителями средневековой Европы и в результате завоевания принесли в Новый Свет феодальные отношения.

В западной историографии широкое распространение получил культурологический подход, согласно которому открытие и последующее испано-португальское завоевание Америки оценивались либо как встреча, либо как столкновение двух культур – европейской и индейской, итогом чего стало не только культурное взаимодействие и обогащение привнесенной иберийской культуры автохтонными и африканскими элементами, но и интеграция индейской, африканской и европейской культур в систему складывающейся латиноамериканской культуры. Подобный подход нашел своих приверженцев в российской латиноамериканистике.

Сегодня все большую популярность приобретает цивилизационный подход. Среди российских латиноамериканистов основателями этого подхода были Б. Н. Ковалев, Я. Г. Шемакин, С. И. Семенов и др. Подавляющее большинство современных исследователей рассматривают конкисту как историческую встречу, прежде всего, различных цивилизационных систем. Европейская и индейская цивилизации к моменту встречи стояли на различных уровнях своего развития, и потому встреча двух непохожих миров превратилась в ожесточенное столкновение. На наш взгляд, такой подход наиболее полно отражает суть испано-португальского завоевания чуждого американского континента и его населения – носителя культуры, непонятной европейцу эпохи Средневековья. Столкновение было неизбежно в силу того, что индейский мир по своим типологическим характеристикам в корне отличался и от европейского, и от того культурного пространства, о котором накануне испанской конкисты знали европейцы.

Для советской школы латиноамериканистики было характерно критическое отношение к периоду конкисты и крайне отрицательное – к колониализму. Многие подходы к изучению эпохи завоевания и возникновения мировой колониальной системы были обусловлены марксистской методологией. К. Маркс и Ф. Энгельс проанализировали экономический аспект конкисты и пришли к выводу, что именно в эпоху Великих географических открытий и колониальных захватов сложилась новая, более прогрессивная общественно-экономическая формация, пришедшая на смену феодализму, в том числе и на просторах Латинской Америки. Америка постепенно была вовлечена в орбиту капиталистического развития и всемирного рынка, куда постепенно вовлекались все неевропейские народы, что ускорило развитие капитализма в самой Европе. Сама колониальная система рассматривалась, главным образом, как система эксплуатации и угнетения народов, что, в свою очередь, вызвало резко отрицательную оценку в среде историков. В советской латиноамериканистике эксплуатация индейцев испанцами характеризовалась как рабовладельческая [2, с. 9–10]. Подобная характеристика, не выходящая за рамки формационного подхода, присуща и российской историографии.

Европейское завоевание доколумбовой Америки отображалось в советской историографии преимущественно односторонне: методы завоевания оценивались исключительно негативно, сопротивление индейцев – положительно. Советская историческая наука вывела образ «истинного конкистадора», сведя его к трем характерным чертам: ненасытная алчность, звериная жестокость и абсолютная беспринципность. Вся деятельность конкистадоров рассматривалась как хищническое мероприятие жаждущих наживы искателей приключений, лишенных моральных императивов, конкиста – как неизбежное столкновение индейцев и европейцев и подлинное насилие, совершенное над индейскими народами. Для определения конкисты применялись такие характеристики, как «жестокость», «кроважность», «варварство», а для конкистадоров – такие эмоционально окрашенные существительные, как «грабители», «авантюристы», «разбойники», «кроважные и ненасытные завоеватели». Крупнейший русский и советский историк Е. В. Тарле в отношении Э. Кортеса использует слово «бандит» [3, с. 42], а В. М. Травинский называет конкистадоров «накипью и отбросами испанского общества» [4, с. 17].

Позиция советской школы латиноамериканистики наиболее полно отражена в дефиниции термина «конкистадоры», которая приводится в фундаментальной энциклопедии «Латинская Америка». Советские исследователи давали социальную характеристику

конкистадоров: преимущественно это мелкопоместные и разорившиеся дворяне – идалго, наемные солдаты, ремесленники, уголовные преступники и другие деклассированные элементы, отвыкшие от мирного труда и отправившиеся в Америку с надеждой обогатиться. И. П. Магидович указывает на выгоду испанских монархов от конкисты: она избавила Испанию от беспокойных антисоциальных элементов и считает, что стремление к наживе и религиозный фанатизм явились побудительными стимулами для заокеанской экспансии [5, с. 5–6]. Завоевательные походы конкистадоров сопровождалась колоссальными разрушениями природных и человеческих ресурсов, опустошением и разграблением целых областей, актами насилия, вандализмом и массовыми пытками. Они действовали как стихийные силы, сметавшие все на своем пути. В этом заключалась суть советской «черной легенды», которая на многие десятилетия наметила русло для написания исследований о завоевании Америки.

В этой связи огромный интерес представляют работы исследователей 1930-х гг., стоявших у истоков советской латиноамериканистики. Они положили начало комплексному исследованию периода открытия и колонизации американского континента в советской историографии. Это труды Ст. Вольского (А. В. Соколова) «Пизарро» (М., 1935), В. Снегирева «Конкистадоры (испанские завоеватели). Историческая хроника XVI столетия» (М., 1936), В. М. Мирошевского «Освободительные движения в американских колониях Испании от их завоевания до Войны за независимость (1492–1810 гг.)» (М., 1946). В. Снегирев делит миграцию конкистадоров за океан на две волны. Сначала на неизведанные земли отправились преимущественно простые моряки и отчаянные сорвиголовы. Вторую волну составили представители дворянства, по определению автора, «с пустым карманом и отцовским мечом при бедре» [6, с. 29]. Автор подчеркивает: и тех, и других объединяла общая цель – захватить и разграбить чужие земли. Колониальную политику испанцев в Латинской Америке исследователь характеризует как примитивно-хищническую в своей основе. В. М. Мирошевский также главной движущей силой завоевания видит жажду быстрого обогащения на новых землях. Убийство мирного населения, разрушение архитектуры индейцев было, по его мнению, нормальным поведением для конкистадоров [7, с. 38–39].

В советской исторической науке конкистадорам ставились в вину как жестокий характер конкисты, поставивший индейское население на грань практиче-

ски полного физического уничтожения, так и нежелание понять индейский мир, а, следовательно, стремление его уничтожить. Например, П. Н. Федосеев видит основную причину жестокого поведения завоевателей в том, что конкистадоры верили в божественное провидение и считали себя исполнителями его воли, своеобразными «рыцарями христианской справедливости» [8, с. 5–6]. Высшая справедливость для отдельно взятых конкистадоров, по мнению советских историков, сводилась к личному обогащению, а задачи конкисты были для них либо малопонятны, либо трудновыполнимы: необходимо было не только завоевать индейцев в военном плане, но и экономически, политически и духовно покорить их.

Отметим, что среди исследователей колониальной эпохи были и такие (например, Л. Ю. Слезкин), которые рассматривали завоевание Америки как подвиг, совершенный европейцами. Однако подчеркивалось, что подвиг был омрачен жестокостью и предрассудками, свойственными европейскому человеку того времени [9, с. 141]. Для советской латиноамериканистики такое видение было скорее исключением, нежели правилом.

Некоторые ученые делали попытку взглянуть на конкисту глазами самих завоевателей. Так, В. Л. Афанасьев пришел к выводу, что конкистадоры исходили из безоговорочного признания законности самого факта конкисты и считали правомерными жестокое обращение с индейцами, массовую отдачу индейцев в рабство и насаждение христианства силой оружия [10, с. 46]. Ученый подчеркивает, что колониальные захваты, зверства, порабощение и истребление коренного населения Америки осуществлялись не «народом» Испании, а представителями сословия испанских феодалов. Такая позиция вполне объяснима. Советские латиноамериканисты проводили четкую грань между конкистадорами и подлинным народом Пиренейского полуострова.

Таким образом, долгое время в советской исторической науке конкистадор представлялся как переходный исторический тип, который сочетал в себе две противоположные тенденции, две эпохи – Средневековье и Новое время. С одной стороны, это был средневековый рыцарь-крестоносец с непоколебимой верой в свое предназначение и в успех завоевательных экспедиций, воплощающий в себе религиозный фанатизм, слепую веру в свою историческую миссию и отвращение к чуждому миру – миру индейцев с их политеистически-мифологическим мироощущением. С другой стороны, конкистадор являлся человеком эпохи Ренессанса, представителем европейской куль-

туры и носителем европейско-христианского мировоззрения. Одним из сторонников данного подхода к анализу личности конкистадора являлся В. Н. Селиванов, который рассматривал завоевателей в качестве носителей одного из вариантов европейской гуманистической культуры XVI в.

Особый всплеск публикаций, посвященных эпохе открытия и колонизации Нового Света, наблюдался в к. 80-х – нач. 90-х гг. XX в. Столь высокий интерес объяснялся приближающейся исторической датой – 500-летием открытия Нового Света и встречи цивилизаций на американском континенте, событием, получившим неоднозначную оценку общественности, прежде всего, в самой Латинской Америке. Намерение властей многих латиноамериканских государств помпезно отметить 12 октября породило волну негодования со стороны коренных жителей континента.

В 1987 г. в г. Москве прошла конференция советских и зарубежных латиноамериканистов, посвященная проблемам встречи цивилизаций в Новом Свете. В центре дискуссии стоял вопрос о конкистадоре как историческом типе. Максимально емкая, на наш взгляд, дефиниция конкистадора была дана А.В. Гришиным: «Конкистадор – ренессансная личность, скрывающийся под личиной рыцаря-крестоносца новый социально-исторический тип человека индивидуалиста-дельца» [11, с. 51]. Большинство участников сошлись во мнении, что конкистадоры – это порождение испанской истории и действительности того времени, генетически связанное с эпохой отвоевания коренным населением Пиренейского полуострова территорий, завоеванных арабами, – реконкистой, а конкиста явилась очередным проявлением европейской экспансии. По мнению С. Я. Серова, конкистадоры были не в состоянии осмыслить феномен Америки, ее суть. Исследователь полагает, что под-

водить под общий знаменатель всех конкистадоров, среди которых были и рядовые солдаты, и чиновники, и торговцы, и ремесленники, и священники, нельзя, поскольку у каждой из этих категорий были свои цели, задачи и интересы в Новом Свете [12, с. 65–66]. Э. Ю. Соловьев конкисту определяет как «неофеодальную военно-комерческо-религиозную практику», которая оказалась одинаково пагубной как для Америки, так и для всей Европы, и, прежде всего, Испании, оказавшейся в состоянии хозяйственного застоя [13, с. 73–74]. Исследователи пришли к выводу: открытие и завоевание Америки следует рассматривать комплексно, в широком историческом контексте, поскольку это был сложный, многоплановый и длительный процесс. Подобное видение характерно и для современности.

Таким образом, несмотря на тенденциозность мнений и подходов, несомненной заслугой советских исследователей явилась попытка рассмотрения конкисты как события, изменившего ход истории и положившего начало латиноамериканской цивилизации. Советская историография, несмотря на рассмотрение колониализма в качестве мировой системы подчинения одних народов другими, открытие и колонизацию доколумбовой Америки оценивала с марксистских позиций как прогрессивные события, приведшие к вовлечению Америки в орбиту зарождающегося капиталистического развития, всемирного рынка, переходу исторического процесса на качественно новый этап.

Одной из главных задач, стоящих перед современной исторической наукой, является максимально объективный взгляд на события 500-летней давности, позволяющий увидеть изменивший судьбу всей человеческой цивилизации период с позиции исторической справедливости.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Тойнби, А. Дж. Цивилизации перед судом истории / А. Дж. Тойнби. – М. : Рольф, 2003. – 590 с.
2. Зубрицкий, Ю. А. Встреча двух миров и проблема прогресса народов Америки и Пиренейского полуострова / Ю. А. Зубрицкий // 500-летие открытия Нового Света. Исторические судьбы Латинской Америки : междунар. коллоквиум, Москва, 4–6 сентября 1989 г. ; редкол.: И. И. Янчук (отв. ред.) [и др.]. М. : ИВИ, 1992. – 266 с. – С. 5–14.
3. Тарле, Е. В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV – начало XIX в.) / Е. В. Тарле // Тарле, Е.В. Политика : История территориальных захватов XV–XX века. Сочинения. – М. : ЭКСМО-ПРЕСС, 2001. – 800 с. – С. 17–336.
4. Травинский, В. М. Как погибли миллионы негров / В. М. Травинский. – М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1963. – 248 с.
5. Магидович, И. П. Колумб и его открытия / И. Магидович // Путешествия Христофора Колумба. Дневники, письма, документы / Х. Колумб ; под ред. И. П. Магидовича. – М. : Изд-во геогр. литературы, 1956. – 524 с. – С. 3–53.
6. Снегирев, В. Конкистадоры (испанские завоеватели). Историческая хроника XVI столетия / В. Снегирев. – М. : Молодая гвардия, 1936. – 227 с.

7. Мирошевский, В. М. Освободительные движения в американских колониях Испании от их завоевания до Войны за независимость (1492–1810 гг.) / В. М. Мирошевский / АН СССР, Ин-т истории. – М., Л. : Изд-во Акад. наук, 1946, – 155 с.
8. Федосеев, П. Н. Наша эпоха и Бартоломе де Лас Касас / П. Н. Федосеев // Бартоломе де Лас Касас. К истории завоевания Америки : сб. науч. ст. / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая ; редкол.: И. Р. Григулевич (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1966. – 228 с. – С. 3–7.
9. Слезкин, Л. Ю. Лас Касас и «Черная легенда» / Л. Ю. Слезкин // Бартоломе де Лас Касас. К истории завоевания Америки : сб. науч. ст. / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая ; редкол.: И. Р. Григулевич (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1966. – 228 с. – С. 141–151.
10. Афанасьев, В. Л. Бартоломе де Лас Касас и его время / В. Л. Афанасьев // Лас Касас де Б. История Индии ; редкол.: Д. П. Прицкер, Г. В. Степанов (отв. ред.) [и др.]. – Л. : Наука, 1968. – 472 с. – С. 7–50.
11. Гришин, А. В. Что привез с собой Колумб? / А. В. Гришин // Латинская Америка. – 1987. – № 5. – С. 50–54.
12. Серов, С. Я. Обратимся к источникам! / С. Я. Серов // Латинская Америка. – 1987. – № 5. – С. 63–66.
13. Соловьев, Э. Ю. Счет может быть предъявлен и от лица Западной Европы / Э. Ю. Соловьев // Латинская Америка. – 1987. – № 5. – С. 70–74.

Дата подачи статьи: 25.09.2018